

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17805/zpu.2022.1.6

Постпостмодернизм как «ощущение конца»

Н. Б. АФАНАСОВ

Институт философии РАН

Статья обращается к исследованию эволюции «ощущения конца» в постмодернизме и постпостмодернизме. Автор указывает на то, что постмодернизм сохраняет свою значимость для современной социальной и культурной теории, а постпостмодернизм, несмотря на декларативный отказ от вариантов постмодернизма 80-х гг. XX в., наследует многие из разработанных в те годы теоретических идей. Одной из ключевых черт указанных теоретических подходов является не только артикуляция «ощущения конца» в современной культуре (популярная культура), истории (конец холодной войны и торжество неолиберальной экономики), экономике (завершившаяся экспансия глобального капитализма), но и претензия на завершение теории вообще.

«Ощущение конца» в теории выделяется в качестве связующего звена между эволюцией дискурса постмодернизма. На примере развития его идей в различных концепциях — автомодернизм, космодернизм, метамодернизм, перформатизм и др. — автор показывает, что «ощущение конца» стало новой формой претензии на универсальность разработанного каким-либо из авторов подхода. Соответственно, для критики, понимания и адекватного введения в научный оборот ряда современных западных концепций необходимо разграничивать описательную составляющую «конца» многих из феноменов и теоретическую рамку их осмысления, которая базируется на невозможности новизны и изменений.

Ключевые слова: постмодернизм; постпостмодернизм; теория культуры; ощущение конца; капитализм; практическая философия; прикладная философия; социальная философия

ВВЕДЕНИЕ

Современная философия культуры и социальная теория продолжают задаваться вопросами о прошлом и будущем, роли и статусе постмодернизма. Дискуссия 90-х гг. XX в. завершилась признанием того факта, что постмодернизм «даже не просто изменился, а то ли умер, то ли закончился» (Павлов, 2019b: 7), но постмодерн и ключевые для него понятия продолжают служить актуальным попыткам описать социальную и культурную реальность нашей эпохи. В российском интеллектуальном контексте обсуждение и критика постмодернизма сохраняют актуальность, поскольку многие отечественные мыслители продолжают апеллировать к постмодернистскому концептуальному аппарату. Постмодернизм выступает точкой отсчета в дискуссиях об образовании (Иванов, Яницкий, 2012), кри-

зисе культуры (Порус, 2004) и даже неудачах российской модернизации (Федотова, 2012).

При этом обращение к понятию российскими философами и теоретиками ангажировано влиянием французской философской традиции. Такие авторы, как Жан Франсуа Лиотар, Жак Деррида и Жиль Делез, называются в числе основных теоретиков постмодернизма (Хаустов, 2018). Возможно, отчасти это и справедливо, но фокус на континентальной философии заслонил за собой американскую теорию постмодернизма, которая оказалась практически не замеченной в России. Среди основных ее представителей назовем Фредрика Джеймисона, Дэвида Харви и Линду Хатчеон. основополагающая для теории постмодернизма и всей современной философии культуры работа Джеймисона «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» была переведена на русский язык лишь в 2019 г. (Джеймисон, 2019), хотя ее первое американское издание вышло в 1991 г. (Jameson, 1991). Одноименное эссе, которое легло в основу наиболее теоретически важной главы книги, и вовсе появилось на страницах «Нового левого обозрения» в 1984 г. (Jameson, 1984). Влиятельная книга Дэвида Харви «Состояние постмодерна» стала доступна русскоязычному читателю в 2021 г. (Харви, 2021), хотя английский оригинал был опубликован в конце 80-х гг. прошлого столетия (Harvey, 1989). Основные работы Линды Хатчеон и многих других теоретиков постмодернизма на русском языке так и не появились.

Обрисованный выше контекст определяет то, что актуальное продолжение дискуссии о постмодернизме и о том, что после, не имеет в России достаточного теоретического фундамента. Несмотря на сохраняющееся влияние французской мысли второй половины XX в., нельзя сказать, что эти идеи служат для создания продуктивных социально-философских и культурных концепций осмысления нашей эпохи. Потребность в последних очевидна, ведь конвенционально постмодернизм перестал выполнять эту роль. В свою очередь, американская версия постмодернизма получила развитие во многих попытках преодоления, продолжения и отрицания эпохи постмодерна. Последние известны под зонтичным термином «постпостмодернизм». Одним из ключевых положений концепций, объединенных этим неблагозвучным термином, было желание избавиться от пессимизма постмодернизма в отношении будущего истории, культуры и общества. Если постмодернизм умер, то и присущее ему «ощущение конца» должно было остаться в прошлом. По меньшей мере, таковы были основные интенции получившего популярность метапостмодернизма (Аккер ван ден Вермулен, Гиббонс, 2019). Об этом же писал автор концепции космопостмодернизма Кристиан Морару (Moraru, 2010). Социальные теоретики, размышлявшие о том, как новые технологии меняют повседневность и культуру, также указывали на то, что цифровая реальность XXI в. упраздняет ключевые черты эпохи постмодерна. Их идеи нашли отражение в концепциях диджи- и автопостмодернизмов (Kirby, 2009; Samuels, 2010).

На настоящий момент наиболее полный критический обзор концепций постпостмодернизма представлен в книге социального философа Александра Павлова «Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время» (Павлов, 2019а). Работа блестяще систематизирует материал, что позволяет анализировать феномен «постпостмодернизма» в целом. Отталкиваясь от судьбы постмодернизма и новейших теорий постпостмодернизма, мы попытаемся описать, что произошло с «ощущением конца» в постпостмодернизме. Для этого, во-

первых, необходимо описать основные положения теории постмодернизма Фредрика Джеймисона. Во-вторых, показать, насколько важными эти положения оказались для ключевых теоретиков постпостмодернизма. Наконец, мы обратимся к анализу самих концепций постпостмодернизма как носителей и репрезентаций «ощущения конца» в социальной и культурной теориях.

ПОСТМОДЕРНИСТСКОЕ «ОЩУЩЕНИЕ КОНЦА»

Проблематизация «ощущения конца» в современной социальной и культурной теории — это один из сюжетов, к которому часто обращаются философы и теоретики, рассуждающие о постмодернизме. Если понимать постмодерн как эпоху, языком описания которой и была теория постмодернизма, то оснований для такого ощущения более чем достаточно. Во второй половине XX в. в истории, экономике и культуре происходили процессы, динамика которых вынуждала их наблюдателей и (не)вольных участников поставить под сомнение само будущее. Начало этим процессам было положено ускорившейся после окончания Второй мировой войны глобализацией и экспансией капиталистического способа производства в сферу культуры: «Обоснование самого его существования (постмодернизма. — Н. А.) зависит от гипотезы о некоем радикальном разрыве или *coufure*, которую обычно возводят к концу 1950-х — началу 1960-х годов» (Джеймисон, 2019: 83).

Фредрик Джеймисон полагал, что наиболее пронизательные авторы ощущали «конец» на самых ранних стадиях эпохи постмодерна, но своего апогея эта одержимость достигла позже, в 1990-е гг. Свидетельством актуализации «ощущения конца» и реализации его на практике для многих философов и деятелей культуры стал конец холодной войны. Соответственно, падение Берлинской стены и крах Восточного блока являются рубежными событиями, подводящими верхнюю границу эпохи (Moгагу, 2015: 60). Возможно, они также стали отправной точкой нового этапа в развитии человечества, о чем пишут многие другие постпостмодернисты.

«Ощущение конца» проявляется по-разному, и эти проявления следует различать. Несмотря на эмоциональный характер метафоры, который указывает на всеобщность чувства, говоря о постмодернизме, мы всегда имеем в виду разные «концы». Во-первых, как уже было сказано, постмодернизм был ощущением конца больших нарративов модерна. Сам Джеймисон иронично заметил, что эту теоретическую оптику можно понимать как «непредвиденное возвращение нарратива конца нарративов» (Джеймисон, 2019: 63). То есть мыслители, работающие в рамках постмодернизма, должны были осмыслять конец или радикальную трансформацию наиболее важных черт эпохи модернизма. Во-вторых, постмодерн не был чем-то случившимся одномоментно, раз и навсегда. Присущие ему черты должны были отвоевать свое место. Когда-то в 1950-х гг. они были лишь передовыми тенденциями в культуре. Соответственно, постмодернизму необходимо присуще мышление о завершении воплощения этих тенденций, их полной реализации. Наконец, теории постмодернизма присуща уверенность, что описанные ими процессы имеют всеобщий и обязательный характер. То есть после того, как они вытеснят ключевые черты эпохи модерна, самой динамике постмодерна будет положен конец. Возможно, что последнее «ощущение конца» является самым важным. Ведь речь идет о теории.

Если вернуться к реальным историческим, культурным и экономическим фактам, а также к их интерпретации в социальной и культурной теории, то «ощущение конца» из красивой метафоры легко превратится в теоретическую часть описания окружающего мира. Возможно, концепция «конца истории» Фрэнсиса Фукуямы — оставим в стороне ее сложную судьбу, а также последовавший частичный отказ автора от своих идей — будет наиболее убедительной иллюстрацией. Интересно, в каком эмоциональном тоне Фукуяма пишет о победе либерального западного мира, больше не имеющего конкурентов: «Конец истории печален. <...> В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории. Я ощущаю в самом себе и замечаю в окружающих ностальгию по тому времени, когда история существовала» (Фукуяма, 1990: 144). Важно, что Фукуяма на самом излете эпохи писал о ностальгии, а его тон можно описать как воплощение «ощущения конца». Слав конца истории, постмодернизма и окончания холодной войны стал общим местом в последовавшей дискуссии о феномене (Jackson, 2000: 325–327).

Ностальгия по большой истории была настолько сильна, что провозглашенный «конец истории» стал самой критикуемой концепцией философии истории рубежа тысячелетий. В качестве контраргументов и доказательств ее некорректности многие авторы приводили в пример террористическую атаку в США 11 сентября 2001 г. или даже новое торговое противостояние США и Китая, развернувшееся в 2010-х гг. (Mueller, 2014). Но здесь мы вынуждены вспомнить об еще одном уровне «ощущения конца»: о капитализме. Возобновление истории упраздняется тем фактом, что на новом историческом витке конфронтация происходит или будет происходить между капиталистическими державами. Согласно приписываемому Джеймисону афоризму, легче «помыслить конец света, чем конец капитализма». То есть с точки зрения теории постмодернизма новые конфликты не будут такими уж новыми.

Сам капитализм, или, определяя сферу более широко, экономическая система современного мира, также относятся к тому, что должно закончиться. Раскроем этот тезис подробнее, поскольку его важность как для самой оптики постмодернизма, так и для многочисленных теорий постпостмодернизма сложно переоценить. Одним из наиболее новаторских тезисов Фредрика Джеймисона было указание на то, что современный ему капитализм изменился (Павлов, 2019а: 34–41). Джеймисон обращается к работе бельгийского экономиста Эрнста Манделя «Поздний капитализм» (Mandel, 1972; Mandel, 1975) и заимствует оттуда сам термин и основную идею: «“Поздний капитализм” ставит задачу не только проанализировать историческую специфику... нового общества... но также и доказать, что оно является, если уж на то пошло, *более чистой* стадией капитализма, чем любой из предшествующих его моментов» (Джеймисон, 2019: 87; курсив источника. — Н. А.). Согласно мысли Манделя, поздний капитализм отличается тем, что он выходит за национальные границы государств и становится глобальным актором, порожденным глобализацией и ускоряющим саму глобализацию.

Джеймисон, принимая эти положения, добавляет, что характер развития глобализованного капитализма определяется культурой. В условиях, когда больше нет (или совсем скоро не станет) некапиталистических и изолированных пространств, в развитых странах капитализм сопрягается с культурной логикой. Это служит целям интенсификации возможного потребления, что в конечном итоге обеспечива-

ет капитализму динамику. Если о «конце истории» спорили и спорят многие, то о реальном конце капитализма, кажется, всерьез не осмеливается говорить никто. Это не значит, что капитализм не подвергается критике. Напротив, подчас эта критика достаточно радикальна. Но речь уже не идет о классическом марксистском дискурсе, согласно которому капитализм с необходимостью погибнет в результате накопления присущих ему противоречий. Наиболее радикальные — в том числе левые — авторы призывают покончить с ним, *осознав* его деструктивное влияние на культуру и общество, сравнивая его, к примеру, с оставшимися в прошлом историческими системами организации общества, такими как неофеодализм: «Структура сложных сетей показывает, почему современный капитализм стремится к неофеодализму» (Дин, 2019: 107). Во многом сам такой подход к критике капитализма говорит о том, что она осуществляется «после конца» всех альтернатив.

Третья ключевая сфера для постмодерна, в которой решающим оказалось «ощущение конца», — это культура. Поскольку теория постмодернизма провозгласила слияние капитализма и культуры, которые и приводят к тому, что первый приобретает культурную логику, большинство теоретиков иллюстрировали свои идеи или проводили анализ на материале популярной культуры. Это не должно сбивать с толку. Во-первых, культура утратила свою автономию на внешнем уровне, поскольку стала создаваться с целью получения прибыли (Павлов, 2019а: 37). Во-вторых, можно говорить о внутреннем уровне изменений, когда постмодернистские произведения отличаются сознательным отсутствием новизны и комбинированием уже привычных или просто ранее использовавшихся образов. Джеймисон определяет это как пастиш: «Исчезновение индивидуального субъекта, повлекшее формальное следствие — все меньшую доступность личного стиля, порождает едва ли не всеобщую современную практику, которую мы можем назвать пастишем» (Джеймисон, 2019: 108).

Постмодернистское «ощущение конца» повсеместно и затрагивает все основные стороны человеческой жизни: экономику, культуру и историю. В теоретической оптике постмодернизма все они оказываются связаны между собой в силу логики развития позднего капитализма. Каждая из этих сфер не только упраздняет специфику своих предшественниц, но также уничтожает любую возможность будущих изменений. Само будущее теряет новизну. Развивая мысль философски, Джеймисон и следом за ним некоторые другие теоретики постмодернизма (см.: Hutcheon, 2002) делают выводы о том, какой субъект может существовать в этом мире вечного настоящего. Важно понимать, что именно скрывается за «ощущением конца» в постмодернизме, поскольку этот апокалиптизм послужит отправной точкой для многих теорий постпостмодернизма: *то самое* «ощущение конца» в первую очередь появилось на теоретическом уровне. На практике в мире, пусть и нечасто, но все еще что-то реально происходит.

«ОЩУЩЕНИЕ КОНЦА» КАК НАЧАЛО ПОСТПОСТМОДЕРНИЗМА

Помимо упомянутой работы Александра Павлова «Постпостмодернизм: как социальная и культурная теория объясняют наше время», трудно обнаружить систематизированное исследование по картографии постпостмодернизма. Книга 2015 г. «Занимая место постмодерна. Антология сочинений об искусстве и культуре XXI века» (*Supplanting the Postmodern ...*, 2015) под редакцией Дэвида Радрама и Николаса Ставриса представляет собой антологию текстов авторов, которые

предлагали свои концепции на замену постмодернизму, который, по их мнению, устарел. Эта антология важна, поскольку удобно позволяет познакомиться с большинством важных и актуальных теорий, но это не делает ее академическим исследованием феномена. Представленный в книге постпостмодернизм нуждается в интерпретации и помещении в более широкий интеллектуальный контекст.

Первые поиски альтернативы постмодернизму, с которым что-то произошло, датируются концом 80-х и началом 90-х гг. XX в.: «На самом деле альтернативные постмодернизму языки описания культуры стали появляться еще в 1980-е годы, то есть в момент популярности термина и дебатов вокруг него» (Павлов, 2019а: 153). Речь идет о попытках, которые позднее будут определены как «постпостмодернизмы», поскольку на всем протяжении доминирования интеллектуального дискурса постмодерна у него были интеллектуально влиятельные противники и критики (Zoeller, 1988). На теоретическом уровне эта критика отличалась от новых попыток создания адекватного языка описания эпохи тем, что не стремилась упразднить Модерн, утверждая, что, несмотря на все изменения в культуре, исторические события и трансформации экономики, современность продолжает развиваться в соответствии с давно сформированными закономерностями. Теоретики постпостмодернизма же в свою очередь сохраняют джеймисоновскую убежденность в существовании исторического *coupure*, т. е. «разрыва» (от фр. — «разрез») с прошлым.

Вместо сущностно единого, но разнообразного в своих проявлениях модерна и унифицированного в своей шизофренической хаотичности культурной логики капитализма постмодерна авторы предлагали свои версии современности, образовывая новые термины посредством замены первой части слова. Как правило, схема словообразования именно такова: гипермодернизм (Жиль Липовецкий, Артур Крокер и Дэвид Кук, Иван Варга), трансмодернизм (Мария Родригез Магда), сверхмодернизм (Марк Оже), альтермодернизм (Николя Буррио), космодернизм (Кристиан Морару), метамодернизм (Робин ван ден Аккер, Тимотеус Вермюлен), автомодернизм (Роберт Сэмюэлс), диджимодернизм (Алан Кирби) и др. Некоторые ученые выбирали другой путь, не используя «модерн/модернизм»: постгуманизм, перформатизм (Рауль Эшельман) капиталистический реализм (Марк Фишер).

Так как в фокусе нашего внимания находится именно теоретический аспект выстраивания вариантов постпостмодернизма из постмодернистского «ощущения конца», отметим, что большинство из этих теорий не просто наследуют имплицитно присущий эпохе пессимизм, но и буквально удваивают его, пытаясь создать нечто новое. Для постмодерна модерн и его перспективы линейного развития окончились (Parfitt, 2002: 15–17), для постпостмодерна, в свою очередь, заканчивается не только модерн, но и постмодерн. Попытки теоретической реанимации логики модернизма, которая в том или ином виде продолжает существовать (Джеймисон, 2019: 88–91) и в эпоху постмодерна, не могут породить новые концепции современности, которые указывали бы на радикальные отличия. Иными словами, отдавая себе в этом отчет или нет, авторы теорий постпостмодернизма опирались на то, что впервые сделал постмодернизм: на возможность радикального реформирования характера современности. Таким образом, несмотря на порой эксплицитную критику самого постмодерна — по крайней мере, в теории — постпостмодернизм явился его продолжением.

Обратимся к «ощущению конца» в культуре, истории и экономике в рамках некоторых концепций постпостмодернизма, чтобы убедиться в том, что оно являлось для них отправной точкой. Несмотря на то что так или иначе об истории писали многие теоретики постпостмодерна, наиболее историко-центричной концепцией следует признать космодернизм или планетаризм Кристиана Морару. «Термином, которым Морару предложил описывать нынешнюю эпоху, сначала стал причудливый неологизм “космодернизм”, образованный от слов “космос” и “модернизм”, а новый вид современности, соответственно, можно было бы перевести как “космосовременность” (cosmodernity). <...> Спустя несколько лет Морару снова переописал свою концепцию, но под шапкой другого термина — “планетаризм”» (Павлов, 2019а: 391–392). Хотя наиболее близкая сфера интересов для Кристиана Морару — это литература (Афанасов, Павлов, 2019: 50), можно утверждать, что центральной философской темой для него было именно завершение истории.

Для Морару «ощущение конца» истории повсеместно. На самом деле то, что основные процессы, которые только могли произойти, уже произошли и определяют и будут определять современность, является для него очевидным фактом. Как уже было отмечено, падение Берлинской стены положило начало завершению глобализации. Это было последнее историческое событие в ряду других «последних» событий. К наиболее важным из них также относится запуск первого искусственного спутника Земли. В конечном итоге все это «определяет “состояние” или модальность мира: планетарность» (Moraru, 2015: 8). Морару, как тонкий знаток языка, совершенно сознательно игнорирует упоминание об истории и ее динамике. Их (рас)следование и темпоральность сменяются пространственной планетарностью, которая объединяет и гомогенизирует плюралистичность современной культуры. Несмотря на то что многие положения теории Морару являются спорными, то, что космодернизм воплощает собой пространственно-культурную логику торжества «ощущения конца» истории, не представляет сомнения. Важно, что для Кристиана Морару только реальное окончательное завершение завершений постмодернизма создает ту постпостсовременность, которой более не будет прищипа историческая динамика.

Если для Кристиана Морару «ощущение конца» явилось свидетельством триумфа процессов глобализации и планетаризации, то для нидерландских теоретиков метамодернизма Робина ван ден Аккера и Тимотеуса Вермюлена «ощущение конца» постмодернизма порождает потребность в неоромантизации культуры (Akker van den, Vermeulen, 2010: 4–5). Мы встречаемся с другим способом взаимодействия с теоретическим пессимизмом и обреченностью. Метамодернисты указывают, что культура диалектически отвечает на бесконечную иронию и безысходность эпохи постмодерна ностальгическим возвращением чувства и аффекта: «Для постмодерна... характерна безучастная, отстраненная ирония — это уплощение аффекта. Не будучи в силах возвратиться назад к “героическому энтузиазму” модерна, метамодернистские писатели, режиссеры и художники тем не менее пытаются иронию укротить, придав ей искренности и попытавшись выйти за пределы “солипсистского солипсизма” ощущаемой оторванности и изоляции как от других людей и их переживаний, так и от собственных чувств» (Морозов, 2019: 244). Так как метамодернизм сравнительно новое направление, которое все еще находится в становлении (Аккер ван ден, Вермюлен, Гиббонс, 2019), мы не можем сказать на-

верняка, является ли возвращение аффекта временным или постоянным феноменом. Однако с точки зрения авторов, господство постмодернистского плоского аффекта однозначно остается в прошлом.

Сложнее всего проанализировать, что именно происходит с экономикой и капитализмом в мысли постпостмодернистов. Александр Павлов справедливо указывает, что это является слабым местом самых разнообразных по форме и содержанию концепций: «Чаще всего авторы различных вариантов постпостмодернизма экстраполируют тенденции в развитии искусства на все общество, забывая об экономике, политике и религии. Это можно было бы назвать существенным недостатком данных теорий» (Павлов, 2019а: 519). Постпостмодернисты охотно рассуждают о новейших тенденциях в культуре и смерти постмодерна, но мало говорят о том, что является сущностно важным для самой современной культуры — капитализме.

Впрочем, ряд теоретиков обращаются к тому, какие именно трансформации сопровождают развитые общества в начале XXI в. Диджимодернизм Алана Кирби (Kirby, 2009: 16) и автомодернизм Роберта Сэмюэlsa (Samuels, 2010: 71) фокусируются на том, что под влиянием современных технологий — главным образом цифровизации — капитализм меняется. Другой теоретик, которого нельзя исключать из нашего рассмотрения, левый философ Ник Срничек вообще занялся исследованиями современного капитализма, предложив свой термин «капитализм платформ» (Срничек, 2019). Если невнимание постпостмодернизма к капитализму о чем-то и говорит, так это о том, что «ощущение конца», или по-другому — окончательного триумфа капиталистического способа производства и его слияния с культурой, является конститутивной частью самих теорий постпостмодернизма. Вообразить альтернативное общество, устроенное на других экономических основаниях, ни один из существующих постпостмодернизмов не в силах. В самом важном аспекте — экономическом — «ощущение конца» оказывается инкорпорировано в самое сердце постпостмодернистских теорий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В наши задачи входило не просто показать, что постмодернистское «ощущение конца» так или иначе переключивается в теории постпостмодернизма, вдохновляет их или вообще составляет их важную часть, но и понять, что все это значит для современной теории. Одной из исходных посылок нашего рассмотрения было указание на то, что дискурс постмодернизма сохраняет актуальность для современной философии. Более того, если предположить, что нечто критикуемое делает саму критику тем ценнее, чем она яростнее, то с постмодернизмом, несмотря на множество его «завершенных» (Павлов, 2019b: 8, 12), все более чем в порядке. К счастью, современная философия не исчерпывается риторическими и перформативными стратегиями, поэтому на уровне теоретического осмысления необходимо ясно описать то, что составляет сущность как постмодернизма, так и постпостмодернизма. Те мысли за авторством постмодернистов¹, согласно которым современность определяется доминирующей логикой культурного капитализма и спатиализацией времени, или овеществлением во внешнем пространстве внутренних состояний в хаотическом порядке, давно стали фактами современных дискуссий, но «ощущение конца», с нашей точки зрения, не получило соответствующей теоретической артикуляции.

Постмодернизм и постпостмодернизм были — а возможно, и остаются — не только эпохами, культурой или направлениями в мысли. В первую очередь это теории, которые в рамках социально-экономической и культурной ситуации после Второй мировой войны, а затем и после падения Берлинской стены модусами своего мышления определяли значительную часть культуры и интеллектуальной работы. «Ощущение конца», следовательно, необходимо рассматривать, как факт теории, определяющий ее характер. Эволюция дискурса от постмодернизма к постпостмодернизму демонстрирует, что первый был более рефлексивен по отношению к «завершимости» истории и культуры, в то время как его критики и последователи стремились преодолеть «ощущение конца» в своей мысли, не отдавая себе отчета в том, что именно его они и заимствуют. Проблема состоит в том, что на теоретическом уровне постпостмодернизм, несмотря на все декларации, базируется на идеях Фредрика Джеймисона, Дэвида Харви и Линды Хатчеон. Таким образом, «ощущение конца» необходимо наличествует в каждой из его версий: от метамодернизма Робина ван ден Аккера до планетаризма Кристиана Морару. Для внешнего наблюдателя сам постпостмодернизм становится «ощущением конца» в теории.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В парадигме критики оригинальности идей постмодернистов (и постпостмодернистов!) можно было бы заметить, что, строго говоря, подавляющее большинство — если не все — идеи постмодернистов были разработаны в рамках других направлений философии. Спор или солидаризация с этой точкой зрения представляют отдельный, излишний в контексте предпринятого нами рассмотрения, сюжет. Для анализа «ощущения конца» в постпостмодернизме первоисточником были именно идеи постмодернистской культурной теории 1980-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасов, Н. Б., Павлов, А. В. (2019) Образы современности в XXI веке: космодернизм // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 46–62. DOI: 10.17805/zpu.2019.2.4
- Аккер ван ден, Р., Вермулен, Т., Гиббонс, Э. (2019) Метамодернизм. Историчность, эффект и глубина после смерти постмодернизма. М. : РИПОЛ классик. 494 с.
- Джеймисон, Ф. (2019) Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. А. Олейникова. М. : Изд-во Института Гайдара. 808 с.
- Дин, Дж. (2019) Коммунизм или неофеодализм? // Логос. Т. 29. № 6. С. 85–116. DOI 10.22394/0869-5377-2019-6-85-114
- Иванов, М. С., Яницкий, М. С. (2012) Образование в постмодернистском обществе: проблемы и перспективы // Сибирский педагогический журнал. № 9. С. 78–84.
- Морозов, А. В. (2019) Осторожно, метамодерн: современность как зонтик и маятник // Галактика медиа: журнал медиаисследований. Т. 1. № 3. С. 238–249. DOI 10.24411/2658-7734-2019-10032
- Павлов, А. В. (2019а) Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС. 560 с.
- Павлов, А. В. (2019б) Странная жизнь постмодернизма // Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М. : Изд-во Института Гайдара. 808 с. С. 7–53.
- Порус, В. Н. (2004) Рациональность философствования и перспективы культуры // Философия науки. Вып. 10. М. : ИФ РАН. С. 128–150.
- Срничек, Н. (2019) Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. М. : Издательский дом Высшей школы экономики. 128 с.

- Федотова, В. Г. (2012) Модернизация и культура // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 139–147.
- Фукуяма, Ф. (1990) Конец истории? // Вопросы философии. № 3. С. 134–148.
- Харви, Д. (2021) Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений / пер. с англ. Н. Проценко; под науч. ред. А. Павлова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 576 с.
- Хаустов, Д. С. (2018) Лекции по философии постмодерна. М.: РИПОЛ классик. 288 с.
- Akker van den, R., Vermeulen, T. (2010) Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. Vol. 2. P. 1–14. DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677
- Harvey, D. (1989) The condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Hoboken: Wiley-Blackwell. 392 p.
- Hutcheon, L. (2002) The Politics of Postmodernism. 2nd ed. UK, New York: Routledge. 232 p.
- Jackson, T. (2000) Postmodernism, Narrative, and the Cold War Sense of an Ending // Narrative. No. 3. P. 324–338.
- Jameson, F. (1984) Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism // New Left Review. July-August. No. I (146). P. 53–92.
- Jameson, F. (1991) Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham: Duke University Press. 460 p.
- Kirby, A. (2009) Digimodernism. How Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. New York, London: Continuum. 288 p.
- Mandel, E. (1972) Der Spätkapitalismus. Berlin: Suhrkamp Verlag. 542 s.
- Mandel, E. (1975) Late Capitalism. London: New Left Books. 609 p.
- Moraru, Ch. (2010) Cosmodernism: American Narrative, Late Globalization, and the New Cultural Imaginary. Ann Arbor: University of Michigan Press. 440 p.
- Moraru, Ch. (2015) Reading for the Planet. Toward a Geomethodology. Ann Arbor: University of Michigan Press. 256 p.
- Mueller, J. (2014) Did History End? Assessing the Fukuyama Thesis // Political Science Quarterly. Vol. 129. No. 1. P. 35–54. DOI: 10.1002/polq.12147
- Parfitt, T. (2002) The End of Development? Modernity, Post-Modernity and Development. London: Pluto Press. 192 p.
- Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century (2015) / ed. by D. Rudrum, N. Stavris. New York, London, New Delhi, Sydney: Bloomsbury Academic. 400 p.
- Samuels, R. (2010) New Media, Cultural Studies and Critical Theory after Postmodernism. Automodernity from Zizek to Laclau. New York: Palgrave Macmillan. 267 p.
- Zoeller, G. (1988) Habermas on Modernity and Postmodernism // The Iowa Review. Vol. 18. No. 3. P. 151–156.

Дата поступления: 25.12.2021 г.

POST-POSTMODERNISM AS THE “SENSE OF AN ENDING”

N. B. AFANASOV

RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY

The article enquires into the evolution of the “sense of an ending” in postmodernism and post-postmodernism. The author argues that postmodernism keeps its importance for contemporary social and cultural theory, while post-postmodernism, despite its declarative rejection of the 1980s postmodern iterations, inherits many theoretical ideas developed back then. One of the key features of the mentioned theoretical approaches is not only the “sense of an ending” in modern culture (popular culture), history (the end of Cold War and the triumph of neoliberal economy), economics (completed expansion of global capitalism) but also a claim for the general ending of the theory.

The “sense of an ending” in theory is distinguished as a connecting link in the evolution of post-modern discourse. The author uses the example of its ideas developing in various concepts — automodernism, cosmmodernism, metamodernism, performatism, etc. — and shows that the “sense of an ending” became a new form of a claim for universality elaborated by one of the authors of the approach. Therefore, for the critique, understanding and adequate introduction of a number of contemporary Western theories it is necessary to differentiate the descriptive component of an “ending” of many phenomena and the theoretical framework of their comprehension, which is based on the impossibility of novelty and change.

Keywords: postmodernism; post-postmodernism; theory of culture; sense of an ending; capitalism; practical philosophy; applied philosophy; social philosophy

REFERENCES

- Afanasov, N. B. and Pavlov, A. V. (2019) *Obrazy sovremennosti v XXI veke: kosmodernizm. Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 46–62. DOI: 10.17805/zpu.2019.2.4 (In Russ.).
- Akker, R. van den, Vermeulen, T. and Gibbons, A. (2019) *Metamodernizm. Istorichnost', affect i glubina posle smerti postmodernizma*. Moscow, RIPOL classic. 494 p. (In Russ.).
- Jameson, F. (2019) *Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma* / transl. from English by D. Kralechkin; ed. by A. Oleynikov. Moscow, Gaidar Institute Press. 808 p. (In Russ.).
- Dean, J. (2019) *Kommunizm ili neofeodalizm? Logos*, vol. 29, no. 6, pp. 85–116. DOI 10.22394/0869-5377-2019-6-85-114 (In Russ.).
- Ivanov, M. S. and Yanitsky, M. S. (2012) *Obrazovanie v postmodernistskom obshchestve: problemy i perspektivy. The Siberian Pedagogical Journal*, no. 9, pp. 78–84. (In Russ.).
- Morozov, A. V. (2019) *Ostorozhno, metamodern: sovremennost' kak zontik i mayatnik. Galactica Media: Journal of Media Studies*, vol. 1, no. 3, pp. 23–249. DOI 10.24411/2658-7734-2019-10032 (In Russ.).
- Pavlov, A. V. (2019a) *Postpostmodernizm: kak sotsial'naya i kul'turnaya teorii ob'yasnyayut nashe vremya*. Moscow, Izd. dom «Delo» RANHiGS. 560 p. (In Russ.).
- Pavlov, A. V. (2019b) *Strannaya zhizn' postmodernizma*. In: Jameson, F. (2019) *Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma*. Moscow, Gaidar Institute Press. 808 p. Pp. 7–53. (In Russ.).
- Porus, V. N. (2004) *Ratsionalnost' filosofstvovaniya i perspektivy kul'tury. Filosofiya nauki*, vol. 10, pp. 12–150. (In Russ.).
- Srniczek, N. (2019) *Kapitalizm platform* / transl. from English and ed. by M. Dobryakova. Moscow, Higher School of Economics Publ. 128 p. (In Russ.).
- Fedotova, V. G. (2012) *Modernizatsiya i kul'tura. Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 139–147. (In Russ.).
- Fukuyama, F. (1990) *Konets istorii? Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 134–148. (In Russ.).
- Harvey, D. (2021) *Sostoyanie postmoderna: issledovanie istokov kul'turnykh izmenenij* / transl. from English by N. Protsenko; ed. by A. Pavlov. Moscow, HSE Publishing House. 576 p. (In Russ.).
- Khaustov, D. S. (201) *Leksii po filosofii postmoderna*. Moscow, RIPOL classic. 288 p. (In Russ.).
- Akker van den, R. and Vermeulen, T. (2010) *Notes on Metamodernism. Journal of Aesthetics & Culture*, vol. 2, pp. 1–14. DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677
- Harvey, D. (1989) *The condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Hoboken, Wiley-Blackwell. 392 p.
- Hutcheon, L. (2002) *The Politics of Postmodernism*. 2nd ed. UK, New York, Routledge. 232 p.
- Jackson, T. (2000) *Postmodernism, Narrative, and the Cold War Sense of an Ending. Narrative*, no. 3, pp. 324–338.
- Jameson, F. (1984) *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism. New Left Review*, July-August, no. I (146), pp. 53–92.

- Jameson, F. (1991) *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham, Duke University Press. 460 p.
- Kirby, A. (2009) *Digimodernism. How Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*. New York, London, Continuum. 288 p.
- Mandel, E. (1972) *Der Spätkapitalismus*. Berlin, Suhrkamp Verlag. 542 s. (In German).
- Mandel, E. (1975) *Late Capitalism*. London, New Left Books. 609 p.
- Moraru, Ch. (2010) *Cosmodernism: American Narrative, Late Globalization, and the New Cultural Imaginary*. Ann Arbor, University of Michigan Press. 440 p.
- Moraru, Ch. (2015) *Reading for the Planet. Toward a Geomethodology*. Ann Arbor : University of Michigan Press. 256 p.
- Mueller, J. (2014) Did History End? Assessing the Fukuyama Thesis. *Political Science Quarterly*, vol. 129, no. 1, pp. 35–54. DOI: 10.1002/polq.12147
- Parfitt, T. (2002) *The End of Development? Modernity, Post-Modernity and Development*. London, Pluto Press. 192 p.
- Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century* (2015) / ed. by D. Rudrum, and N. Stavris. New York, London, New Delhi, Sydney, Bloomsbury Academic. 400 p.
- Samuels, R. (2010) *New Media, Cultural Studies and Critical Theory after Postmodernism. Automodernity from Zizek to Laclau*. New York, Palgrave Macmillan. 267 p.
- Zoeller, G. (1988) Habermas on Modernity and Postmodernism. *The Iowa Review*, vol. 18, no. 3, pp. 151–156.

Submission date: 25.12.2021.

Афанасов Николай Борисович — младший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697 98 94. Эл. адрес: n.afanasov@gmail.com

Afanasov Nikolay Borisovich, Junior Researcher, Sector of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12, Bldg. 1, Goncharnaya St., Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: +7 (495) 697 98 94. E-mail: n.afanasov@gmail.com

DOI: 10.17805/zpu.2022.1.7

Капитализм платформ, эксплуатация и неравенство

Часть I

Г. Ю. КАНАРШ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

В статье рассмотрены ключевые социально-этические проблемы, связанные с развитием цифровой экономики, а точнее, такого ее сегмента, как деятельность интернет-платформ. Первая часть статьи посвящена анализу проблемы больших данных, монополизма и формирования неравенства в связи с новой формой капитализма — надзорным капитализмом. Проблема больших данных заключается в том, что компании, используя данные пользователей как свой основной ресурс, процветают; в то же время, как показы-